

I.2. Национал-большевизм

Михаил Соколов

Национал-большевистская партия: идеологическая эволюция и политический стиль*

Национал-большевистская партия (НБП) плохо поддается интерпретации в рамках традиционных теорий политического рынка, исходящих из того, что организации конкурируют, предлагая потенциальным сторонникам свои программы, а потенциальные сторонники выбирают группу, которая делает наиболее привлекательное предложение и представляется им наиболее способной выполнить свои обещания. Применение подобной модели к анализу эволюции НБП, однако, немедленно сталкивается с серьезным препятствием. У партии, возглавляющейся Эдуардом Лимоновым, никогда не было сколько-нибудь ясной программы, а среди ее членов никогда не существовало консенсуса по поводу того развития страны, которое они считали бы желательным¹. С момента своего возникновения в 1994 году, НБП заявляла, что ее двери открыты для всех противников существующего режима². И действительно, во второй половине 90-х в рядах организации состояли экологически сознательные анархисты и неонацисты, сталинисты, «новые правые» генонистского толка, маоисты и православные фундаменталисты. Лозунги, озвучивавшиеся организацией во время акций и во множестве украшавшие городские заборы, представляли собой смесь антиамериканизма («Янки, вон из России!»), антибуржуазного ресентимента («Ешь богатых!»), ностальгии по величию сталинской эры («Сталин–Берия–ГУЛАГ!») и банальной ксенофобии («Убей хача!»).

Этот набор лозунгов, однако, не сохранил своей, весьма сомнительной, определенности на следующем этапе российской трансформации. В 2000 году наме-

* Ранее опублик. в сборнике: *Русский национализм: идеология и настроение* / Под ред. А. Верховского. М., 2006. С. 139-164.

¹ Как документ программа существовала, но отношение самих членов организации к ней было в высшей степени безразличным. Так, на высказанную в 1997 году в штаб-квартире петербургского отделения партии просьбу предоставить ее автору для ознакомления, последовал ответ, смысл которого сводился к тому, что ни одного экземпляра в наличии нет и в их приобретении никто не видит смысла, поскольку «такие программы пишут специально для политологов». Кто-то из присутствовавших посоветовал зайти на один из принадлежащих организации сайтов, на котором, однако, программы также не обнаружилось.

² История НБП подробно излагается в: Shenfield S. *Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements*. N.Y., 2001; Лихачев В. *Нацизм в России*. М., 2002.

тился значительный сдвиг во взглядах организации и лично ее бессменного лидера. Националистические мотивы в текстах НБП постепенно исчезли, а либеральные появились. Обыватели могли проследить этот процесс по тому, как надписи типа «Убей хача! НБП» и «Сорос, вон из России!» постепенно, на протяжении 2001-2005 годов, сменялись новыми, в которых фигурировали права человека и поносилась диктатура. Сталин, впрочем, не исчез из идеологического репертуара НБП полностью, удивительным образом соседствуя с требованиями уважать политические свободы. Автор этой статьи в течение нескольких месяцев 2004 года наслаждался свидетельствами подобной идеологической всеядности, ежедневно проезжая мимо забора, на котором – явно одной рукой и из одного пересыхающего баллончика с краской – было выведено «Сталин–Берия–ГУЛАГ» и «Долой полицейское государство!» К 2006 году НБП высказывалась за предоставление независимости Чечне, сменила тотальный антиамериканизм на публичное одобрение институтов американской демократии, по крайней мере некоторых³, в целом положительно оценивала «оранжевую революцию» в Украине и активно искала союза с либеральной оппозицией путинскому режиму⁴.

Самым удивительным в истории этой трансформации может служить то, что организации удалось сохранить значительное число преданных сторонников, склонных видеть в ней носителя вполне определенной политической позиции. Данная статья посвящена анализу социальных оснований поддержки НБП. В ней высказывается несколько предположений о том, какие аспекты политической практики партии позволяли рассматривать ее как следующую неизменному политическому курсу. На основании этих предположений выдвигаются другие, относительно того, каковы были самые общие мотивы ее поддержки и каково то место, которое она занимает в российском политическом пространстве и может занимать в дальнейшем.

³ Это отразилось в появлении на главном сайте партии (www.nbp-info.ru) статей с названиями типа «За что нам любить Америку» – в момент, когда подобная формулировка стала в российском политическом дискурсе крайней степенью эпатажа.

⁴ Это изменение было многократно использовано критиками НБП из числа покинувших ее интеллектуалов типа Александра Дугина и Аркадия Малера, перешедших в другой политический лагерь. Отвечая на обвинения в измене идеалам национал-большевизма и переходе на «мондиалистские» позиции, Лимонов в своей последней программной статье «Как надо понимать» (Лимонка, № 304) заявил, что не видит причин следовать букве программы, «написанной ... в бог знает каком году». Какого рода программе он собирается следовать, он не счел нужным упомянуть.

Анатомия политического стиля

Многие наблюдатели, как сторонние, так и принадлежащие к НБП, приходили к выводу, что, не обладая целостной идеологией, организация узнаваема прежде всего благодаря собственному уникальному политическому стилю. Ниже делается попытка описать политический стиль НБП и идентифицировать некоторые его основные темы. Для того, чтобы представить особенности этого стиля более рельефно, будут использованы сравнения с политическим стилем Русского национального единства (РНЕ), второй крупнейшей правой организации эпохи Ельцина, и различных организаций скинхедов – групп, которые в 90-е рассматривали друг друга как части единого русского радикально-националистического движения.

«Стиль» – одно из понятий, охотнее всего используемых социальными учеными. К несчастью, это понятие является при этом еще и одним из наиболее расплывчатых и многозначных. История искусства предлагает несколько подходов к его определению. В соответствии с одним из них, взятым нами за основу, стиль есть способ противопоставить то, *как* что-то сделано, тому, *что*, собственно, сделано, формы – содержанию, а средства – целям. Так, поясняя, что такое стиль, Генрих Вельфлин приводил пример нескольких художников, изображающих один и тот же ландшафт в один и тот же момент времени⁵. Картины с одинаковым сюжетом, однако, будут существенно различаться по манере исполнения – и эти отличия и есть отражение индивидуальных стилей художников. Стиль, в соответствии с определением Вельфлина, подобен языку, с помощью которого можно сказать самые разные вещи⁶.

Начинать описание стиля русской националистической организации лучше всего с указания на ключевые практики, которые рассматриваются членами группы как самый важный элемент их политической деятельности, как что-то, в соответствие с чем должна приводиться организационная структура и повседневная жизнь организации. Для каждой крупной русской праворадикальной организации можно указать одну или несколько таких практик. НБП известна, прежде всего, благодаря своим театрализованным политическим представлениям, более или менее следующим нескольким основным сценариям. Нацболы врываются в некое символически значимое и закрытое для политических манифестаций пространство (на крейсер «Аврора» в 1997 году, на башни клуба моряков и Рижского собора в 1998-м, на сцену Большого театра во время инаугурации и в кабинет

⁵ Вельфлин Г. Ренессанс и Барокко. СПб., 2004. С. 1-3; см. также Genova J. The Significance of Style // The Journal of Anthropology and Art Criticism. 1979. Vol. 37. No. 4. P. 315-324.

⁶ Вельфлин Г. Ренессанс и Барокко. С. 32-40. Примеры аналогичного словоупотребления в политической науке можно найти, например, в исследованиях Пола Лазарсфельда и его коллег: Lazarsfeld P., Berelson B., McPhee H. Voting. Chicago, 1954; Campbell J., Meier K. Style Issues and Vote Choice // Political Behavior. 1979. Vol. 1. No. 3. P. 203-215.

министра Зурабова в 2004-м, в приемную президента в 2005-м году), используют его как трибуну, разбрасывая листовки и вывешивая транспаранты, одновременно сдерживая натиск подросшей охраны, после чего отправляются в отделение – чтобы быть допрошенными, и, как правило, избитыми. В последние годы именно этот сценарий стал рассматриваться как основная составляющая фирменного почерка партии, отгеснив на второй план популярные до того забрасывания яйцами или чернилами тех или иных неприятных нацболам персон (в их списке в разное время оказались Михаил Горбачев, принц Чарльз, некоторые губернаторы и, чаще всех прочих, официальный режиссер Никита Михалков). Издание газеты *Лимонка* и украшение городских стен лозунгами, хотя и признаются исключительно важными средствами политической борьбы, не являются для членов организации делом столь же исключительной, почти сакральной важности, каковыми становятся эти рискованные и запоминающиеся представления.

Ничего подобного мы не найдем в практике какой-либо другой русской праворадикальной организации. Для РНЕ и подобных ей групп, возникших преимущественно в начале 90-х (обе Русские партии, обе Народно-республиканские партии и т.д.), подобной ключевой практикой являлось наведение и охраны порядка, основанного на принципах довольно специфической нравственности. Соответственно, основные коллективные действия РНЕ были вариациями на тему «поддержания порядка» (понимаемого предельно широко), а структура организации и униформа имитировали образцы правоохранительных организаций⁷. Продолжая это сравнение, ключевой практикой скинхедов была ночная охота на людей. Многие наблюдатели удивлялись тому, что между этими группами – даже во времена, когда их члены еще безоговорочно считали друг друга участниками одного движения – очень редко имело место какое-либо развернутое сотрудничество. Впрочем, судя по всему загадка разрешается весьма просто. Невозможность прочного альянса между организациями типа РНЕ, НБП и группами скинхедов была обусловлена не столько идеологическими отличиями, сколько тем, что не существовало почти ничего, что они могли бы делать вместе. Для каждой из них участие в излюбленных коллективных действиях другой стало бы вопиющей потерей стиля.

Например, отношение к незаконному насилию у РНЕ и НБП было диаметрально противоположным. До 2001 года члены НБП постоянно декларировали готовность его совершать⁸, но переходили к практике очень редко. Члены РНЕ утверждали, что принадлежат к «самой законопослушной организации» и отрицали самую возможность любой связи, например, с организованной преступностью – но постоянно попадались на таких связях. Достаточно сравнить статьи, по которым

⁷ О политическом стиле РНЕ см.: Соколов М. Русское Национальное Единство: Анализ политического стиля радикально-националистической организации // Политические исследования. 2006. № 1. С. 54-72.

⁸ После ареста Лимонова НБП постепенно переходит к определению себя как организации, «практикующей исключительно ненасильственную борьбу».

обвинялись члены этих двух организаций. В случае РНЕ преобладают обвинения в тяжких преступлениях с применением оружия, вроде заказных убийств, грабежей и избиений. Члены НБП попадали в камеру почти исключительно по статье 213 – хулиганство⁹.

Отношение к насилию у членов НБП было исключительно платоническим, чтобы не сказать мазохистским. Они постоянно оказывались жертвами то милиции и спецназа, то политических конкурентов (в том числе из РНЕ или белорусских националистов из БНФ). Политические атаки членов НБП всегда носили чисто символический характер. Активисты партии забрасывали свои жертвы яйцами или помидорами, давали пощечину букетом или обливали алыми чернилами – но никогда не наносили реальный телесный ущерб. Насколько нам известно, нет ни одного примера, когда акции такого рода осуществила бы РНЕ или какая-то из типологически близких к ней организаций.

Более того, легко заметить, что и сами жертвы политических атак выбираются членами этих организаций на основании совершенно разных принципов.

Жертвами атак НБП неизменно становились фигуры или объекты, символизирующие абстрактные понятия. Чаще всего НБП выбирала в качестве мишеней или целые страны (Америка, Латвия, Хорватия), или еще менее материальные явления, такие как «перестройка», глобализация или «массовая культура». Те индивиды, на которых были непосредственно направлены действия НБП, попадали под обстрел помидорами лишь потому, что могли персонифицировать эти абстракции. Характерно, что едва ли не чаще, чем люди, жертвами становятся символические объекты, такие как национальные флаги или здания посольств¹⁰.

⁹ Следует упомянуть несколько исключений. Член НБП Станислав Михайлов был осужден на 5 лет за убийство одного человека и нанесение тяжких телесных повреждений другому. Однако многие комментаторы, совершенно не сочувствовавшие НБП, сочли приговор необъяснимо жестоким, учитывая, что суд признал, что Михайлов действовал в порядке самообороны, подвергнувшись нападению со стороны двух вооруженных огнестрельным оружием хулиганов. Лидер НБП в Петербурге Андрей Гребнев был осужден по обвинению в избиении корейского студента, однако наблюдатели вновь сошлись на том, что, по всей видимости, он в избиении не участвовал. Наконец, сам Эдуард Лимонов оказался осужден по обвинению в создании террористической организации и приобретении в этих целях огнестрельного оружия. Но сама быстрота, с которой Лимонов попал на скамью подсудимых с первыми же приобретенными автоматами, свидетельствует о полном отсутствии предрасположенности к квалифицированному осуществлению незаконного насилия, которой в избытке обладает РНЕ. Партийный фольклор НБП, который описывается в статье А. Топоровой (Топорова А.В. Нацболы в Санкт-Петербурге: Образ жизни и повседневность // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга / Под ред. В.В. Костюшева. СПб., 1999. С. 117-127), содержит массу историй о бытовом насилии, в котором участвуют члены организации, например, об их столкновениях с «гопниками». Однако значительную часть этих историй надо признать вымышленными, если только не принять довольно фантастическое допущение, что члены НБП обладают особым искусством избегать столкновений с милицией.

¹⁰ Лихачев В. Национал-радикалы в современной России: Идеология, деятельность и отношения с властью // Национализм, ксенофобия и нетерпимость в современной России. М., 2001. С. 269.

Паттерн насильственных акций, связанный с РНЕ, диаметрально противоположен описанному выше¹¹. Члены РНЕ вообще достаточно редко осуществляли политическое насилие (в отличие от криминального), но это насилие всегда принимало форму жестоких избиений представителей какой-либо из ненавидимых социальных категорий – неправославных религиозных конфессий, этнических меньшинств, наркоторговцев, либералов, белорусских националистов из БНФ или левых. Отвращение «соратников» к символическим коллективным действиям было так велико, что даже в акциях у американских посольств в апреле 1999 года, собравших почти всю оппозицию, они не принимали участия, ссылаясь на то, что подобные акции не принесут никакого конкретного результата. Характерно, что противозаконные политические акции, в которые было вовлечено НБП, всегда носили тщательно спланированный характер, в то время как аналогичные действия РНЕ представляли собой преимущественно спонтанные агрессивные вспышки. Почти во всех случаях, когда против кого-то из членов РНЕ выдвигалось обвинение, организация спешила заявить, что он уже давно исключен из ее рядов или даже никогда в них не состоял.

Это различие указывает на еще одно принципиальное несходство между РНЕ и НБП – их отношения с государственными структурами. Когда РНЕ не нарушало закон, оно его охраняло. Большая часть коллективных действий РНЕ и его «соратников» описывалась ими самими как охрана порядка. У многих членов Единства было прошлое (или настоящее) милиционеров или сотрудников спецслужб, и, как правило, они сохраняли контакты, вылившиеся в известное сотрудничество в качестве народных дружинников, а также повседневную занятость в службах охраны. Напротив, НБП не имеет ничего общего с государственным аппаратом. Среди членов НБП встречались бывшие милиционеры, но их никогда не было много, и все остальные члены организации вели себя по отношению к ним едва ли не враждебно. Это вряд ли покажется удивительным, если вспомнить, что милиционеры – это действительно та группа, с которой члены НБП систематически дерутся или, вернее, та группа, которая их систематически избиает.

Отметим только несколько наиболее заметных различий между скинхедами и описанными выше праворадикальными группами. Паттерн коллективных действий скинхедов – планомерная охота на единичных представителей других социальных категорий – не имеет параллелей ни в деятельности РНЕ (где политическое насилие редко носит подготовленный характер), ни в деятельности НБП (где

¹¹ Едва ли не единственной мишенью, общей для НБП и РНЕ, в свое время стал Михаил Горбачев. Однако сам характер атак подчеркивает их различия. Со стороны НБП Горбачева ударила букетом гвоздик по лицу 18-летняя девушка, соратники которой тем временем раскидывали по залу листовки с объяснением смысла происходящего. Со стороны РНЕ на него в коридоре внезапно напал молодой человек, безмолвно пытавшийся ударить ребром ладони по шейному отделу позвоночника. РНЕ немедленно заявило, что нападавший никогда не состоял в его рядах и даже не мог в них состоять по причине умственного расстройства.

насильственные действия вообще почти не прослеживаются). Список жертв этих насильственных действий, на первый взгляд, носит совершенно случайный характер. Помимо членов других этнических групп, прежде всего «кавказцев» и выходцев из Средней Азии, Южной Азии и Африки, в него попадают представители других молодежных субкультур (рэперы, «алисоманы»), левых политических организаций (прежде всего анархисты), бомжи и, в ряде случаев, такие же скинхеды из числа болельщиков других футбольных команд. Единственное, что может служить общим знаменателем для всех этих групп, – это то, что их представители обладают некоторыми отчетливо видимыми идентифицирующими признаками, которые подчеркивали их принадлежность к другим, по отношению к скинхедам, сообществам. Этими признаками могут быть антропологические черты, маркеры в одежде, сигнализирующие о принадлежности к определенной субкультуре или выдающие другой классовый статус (в случае с лохмотьями бомжей)¹².

Характерно, что различие между НБП и РНЕ самими нацболами также обычно проводилось в эстетических категориях. Словами самого Э. Лимонова: «...существует стиль НБП, яркий и отчетливый. Наши люди ни в коем случае не похожи на людей РНЕ, люди РНЕ попроще»¹³. В другом месте Лимонов сравнивает себя с лидером РНЕ Александром Баркашовым и подчеркивает именно стилистические различия. Желая дискредитировать Баркашова, Лимонов описывает его как представителя другого, скучного и убогого культурного слоя, даже жилье которого выглядит как жилье «советских буржуа», «квартира типичного итээровца», для описания которого используется английское «square» («примитивный», «неинтересный», «банальный»)¹⁴. «Потому и национализмы у нас разные», – заключает он, не находя для национализма РНЕ иных слов, кроме «маразма» и «ублюдочности»¹⁵.

Последнее замечание напрямую подводит нас к тому, что составляет суть политического стиля НБП. Критерий, на основании которого традиционный антисемитизм отвергался Лимоновым и его единомышленниками, был не столько интеллектуальным, сколько эстетическим. Русские националисты из РНЕ и подобных ему организаций представлялись им скучными, банальными и старомодными – полной противоположностью тому, чем они хотели видеть сами себя. Сходными, однако, были и причины, по которым другие системы политических взгля-

¹² Этот паттерн не является исключительно российским. То же самое наблюдал у британских скинхедов автор лучших работ о них Джон Кларк: Clarke J. *The skinheads and the magical recovery of community // Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-war Britain* / Ed. S. Hall, T. Jefferson. L., 1975. P. 99-103). Любопытно, что, как замечает Вячеслав Лихачев, объектами нападения российских скинхедов до самого недавнего времени практически никогда не становились евреи, вероятно, именно потому, что их визуальная идентификация была гораздо более затруднительной задачей (Лихачев В. *Нацизм в России*. С. 120).

¹³ Лимонов Э. *Анатомия героя*. Смоленск, 1998. С. 434.

¹⁴ Там же. С. 125-131.

¹⁵ Там же. С. 46. См. также: он же. *Моя политическая биография*. СПб., 2002. С. 52-53.

дов – традиционализм, фрейдомарксизм или теории консервативной революции – ими принимались. В этом смысле полная смена политических лозунгов необязательно должна была повлечь за собой разочарование в партии – разочарование не наступало до тех пор, пока партия продолжала соответствовать критериям «хорошего вкуса».

Если мы попробуем свести практики НБП к единой формуле, то такой формулой окажется беньяминовская «эстетизация политики»¹⁶. Самое лаконичное самопредставление партии, данное самим Лимоновым, выглядит так: «Сверхсовременный радикализм в искусстве и политике – вот что такое Национал-Большевизм»¹⁷. Люди из РНЕ считали, что полностью дискредитировали своих оппонентов, указав на то, что они не проводят никаких «реальных» (что обычно подразумевало применение насилия) акций. Люди из НБП приписывали такую же силу вопросам типа «Какая культура за Зюгановым?»¹⁸. Политическая жизнь должна быть внешне эффектной – этим принципом может быть описан весь набор коллективных действий НБП, эффектных и театральных. Политика как таковая в этом ракурсе превращается в творческое самовыражение значительных личностей – и политикам, которые не соответствуют эстетским критериям «значительности», отказывается в праве на национальное лидерство.

Характерно, что роль идеологического катехизиса в НБП играла не программа, излагающая политические цели организации, а биографии предполагаемых предшественников, таких как Эрнесто Че Гевара, Эрнст Рем или Юкио Мисима. Сравнение с РНЕ и здесь весьма показательное. Если попробовать подыскать аналогичную формулу для стиля РНЕ, то, вероятно, наиболее подходящим вариантом окажется «морализация политики». Члены РНЕ, как сказал один из них, верили, что «политики должны быть, прежде всего, нравственными людьми. Это решило бы все проблемы». Считать превосходство во вкусе, в способности представлять себя как интересную личность основанием для политического предпочтения – мотив, чуждый РНЕ как ничто другое¹⁹.

¹⁶ Здесь следует оговориться, что хотя чеканная фраза «Фашизм – эстетизация политики», вероятно, в значительной степени и справедлива в отношении современных Вальтеру Беньямину фашистских движений, не всякая эстетизация обязательно становится основанием для фашистской – в обыденном понимании этого термина – политической практики. Теми же словами можно охарактеризовать политику ренессансных деспотов в описании Якоба Буркхардта, которых вряд ли можно на этом основании записать в фашисты.

¹⁷ Лимонов Э. Книга мертвых. СПб., 2001. С. 404.

¹⁸ Он же. Анатомия героя. С. 122-124.

¹⁹ По сравнению с текстами НБП безличность идеологической продукции РНЕ особенно бросается в глаза. В документах организации Баркашова практически не встречается ссылок на исторических персонажей и, тем более, ни на кого, кому можно было бы подражать. Единственным часто вспоминаемым историческим героем до последнего времени был Иван Грозный, который, однако, вряд ли мог послужить ролевой моделью для современного национального революционера¹⁹. Аналогичное различие наблюдается и между способами, которыми лидеры этих организаций говорили (вернее, в случае с Баркашовым – молчали) о себе. Все, что написано Лимоновым, посвящено ему самому. Из его книг можно узнать о нем все, вплоть до длины его полового органа. Напротив, Баркашов сказал о себе за 10 лет активной политической карьеры

Баркашов и Зюганов не были единственными, кому Лимонов требовал предпочесть себя как обладателя более интересной биографии и лучшего вкуса. Вот, например, каким образом он позиционирует себя относительно Бориса Ельцина. «Что же вы за народ такой, – обращается он к избирателям, отдавшим Ельцину голоса в 1996 году, – что выбрали такого, о ком и сказать нечего? Ни умом не блещет, ни любовниц, ни фронта позади»²⁰. Восприятие Лимоновым собственной судьбы как произведения искусства, достижения, которое требует таланта и заслуживает восхищения, становится особенно заметно в его атаках на покинувших его соратников. Так, он пишет об ушедшем из партии втором отце-основателе НБП Александре Дугине: «Свою судьбу Дугин не смог срежиссировать», – ставя тому в укор не столько политическую измену, сколько проявление дурного вкуса. К этому можно добавить только, что повседневная жизнь членов НБП, какой она предстает в книгах вождя партии, в их собственных отчетах и в описаниях исследователей²¹, подчинена тому же стремлению воплотить образ революционного интеллектуала со всеми его атрибутами: ежедневной готовностью к самопожертвованию, приобщением к самым прогрессивным культурным течениям и промискуитетом.

Здесь мы должны задать несколько новых вопросов. Признание эстетизации политики в качестве основного стержня политического стиля НБП объясняет в принципе, каким образом ни идеологическая всеядность, ни постепенная политическая эволюция не сказались на ее восприятии как последовательно следующей своему курсу организации. Почему, однако, такой стиль вообще был привлекателен для кого-либо прежде и остается привлекательным теперь? Этот вопрос особенно любопытен на фоне данных, свидетельствующих о том, что способность какого-то стиля очаровывать подвержена довольно быстрым историческим изменениям. «Крутой» стиль РНЕ, обеспечивавший этой организации постоянную поддержку в 90-е, почти не прослеживается после 2000 года, а организации-последователи пережили кризис. Напротив, «театральный» стиль НБП остается популярным, как и (или даже более чем) прежде. Интуитивно, кажется привлекательным предположение, в соответствии с которым каждому стилю организации соответствует определенный психологический тип ее сторонников, однако вряд ли можно всерьез предполагать, что личностные свойства российского населения изменились достаточно быстро, чтобы таким изменением можно было объяснить описываемую трансформацию. К этим вопросам мы и обратимся в следующем разделе.

очень мало: только в одном интервью есть несколько строк, в которые упоминаются болезни и восстановленное здоровье, которое по-прежнему позволяет ему «коньячку махнуть», когда захочется (Баркашов А.П. Россия – Империя Духа // Завтра. 1998. № 45). Кажется, это было предельно неформальности, который Баркашов ни разу не перешел.

²⁰ Лимонов Э. Анатомия героя. С. 246.

²¹ Топорова А.В. Нацболы в Санкт-Петербурге.

Рациональные причины участия в радикальной организации

Предлагаемая ниже интерпретация социальных истоков политических стилей опирается прежде всего на работы Пьера Бурдьё. У Бурдьё позаимствована идея о том, что организация, вырабатывающая определенный стиль, и индивиды, поддающиеся его очарованию, могут быть рассмотрены как рациональные агенты, стремящиеся к восходящей социальной мобильности²². В дальнейшем мы используем идеи этого французского социолога, хотя не всегда следуем его несколько эзотерической терминологии²³.

При предлагаемом подходе общество рассматривается как система рынков, в ходе торгов на которых определяется относительная ценность самых разных ресурсов – от финансового капитала до интеллектуального авторитета и от физической силы до широты семейных связей. Каждый человек и каждая социальная группа с этой точки зрения представляется подобием спекулянтов, вкладывающих деньги в накопление активов определенного типа. Их восходящая или нисходящая социальная мобильность зависит от изменения котировок тех ресурсов, которыми они обладают. Множество ресурсов, обеспечивающих преимущества в разного рода социальных взаимодействиях, можно сравнить с видами валют, имеющими хождение на той или иной территории. Общество, с этой точки зрения, распадается на множество локальных валютных рынков, более похожих на Средиземноморские валютные рынки раннего Нового времени, описанные Фернаном Броделем, на которых использовалось огромное количество типов денег и курсы их демонстрировали все виды расхождений, чем на современные биржи, связанные средствами моментальной передачи информации. Курсы, существующие на каждом из этих рынков, приводимы к общему знаменателю лишь очень приблизительно. Как, например, можно сравнить владение дифференциальной геометрией с умением фехтовать на ножах или со связями в министерстве торговли – ценные в принципиально разных ситуациях ресурсы? Тем не менее, существуют какие-то общие представления об их относительной стоимости, отражающиеся прежде всего в том социальном престиже, которым пользуются их обладатели.

Обобщенные курсы эти, однако, подвержены постоянным колебаниям. События на каждом из рынков, хотя бы в минимальной степени, отражаются на всех остальных рынках – как падение курса доллара в Токио может ударить по тем в

²² Бурдьё П. Политические позиции и культурный капитал // он же. Социология политики. М., 1993. С. 99-118; он же. Политическое представление: Элементы теории политического поля // он же. Социология политики. С. 179-230.

²³ В частности, не используется основное для теории Бурдьё понятие «поля». Вместо него используется понятие «рынка». Не вдаваясь в обсуждение того, до какой степени такой перевод является адекватным, автор позволяет себе ограничиться указанием на то, что Бурдьё систематически использовал метафору рынков для того, чтобы пояснить значение этой категории (например: Бурдьё П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1-2).

Аргентине, кто хранит свои сбережения в американской валюте, и, наоборот, улучшить положение тех, чья зарплата не привязана к доллару. Каждая пара игроков – как бы далеко друг от друга они ни находились – связана взаимозависимостью, определяемой тем, в какой степени измерение котировок одного отразится на котировках активов другого. Наши морально-политические интуиции, заставляющие нас ощущать почти рефлекторную солидарность с одними политическими агентами и такое же неприятие других, есть, по Бурдые, результат способности моментально оценивать такие взаимозависимости, развитой всем нашим социальным опытом. Так объясняется, например, глубокая озабоченность и заинтересованность, которую ученые всего мира испытывают по отношению к своим коллегам, чья свобода выражать свои мысли оказывается под угрозой со стороны военного диктатора в каком-нибудь маленьком африканском государстве²⁴. Эта солидарность возникает потому, что в их собственном обществе курсы акции интеллектуалов и военных также постоянно колеблются, и, даже если они редко принимают характер прямых столкновений, между ними почти всегда существует известная степень антагонизма²⁵. Именно в политических аттитюдах мы можем угадывать все многообразие взаимозависимостей, которые связывают членов данного сообщества, иногда в самых неожиданных формах.

Здесь необходимо сделать важную оговорку. Такое чутье не бывает безошибочным. Разумеется, система разрозненных локальных рынков, на которых сравнивается почти бесконечное количество ресурсов, слишком сложна, чтобы кто бы то ни было мог проследить все взаимозависимости между ними. Однако лю-

²⁴ Наиболее выразительной иллюстрацией этой тенденции из недавней российской истории может служить поддержка, оказывавшаяся в течение первого десятилетия реформ неolibеральным экономистам со стороны особенно тяжело пострадавшей бюджетной интеллигенции, в особенности учителей и преподавателей. С точки зрения предложенного подхода, ими в основном двигало не рациональное ожидание благ от развития рыночных институтов, а почти инстинктивное предпочтение интеллектуалов – то есть тех, кто опирается в борьбе за власть в первую очередь на культурные ресурсы, в данном случае ресурсы владения макроэкономическими знаниями, поскольку сами они обладали преимущественно ресурсами именно этого типа. То, что на отношении к Егору Гайдару (как негативном, так и позитивном) сказывалось использование им малоупотребительной лексики, было вполне рациональным, поскольку пресловутое «отнюдь» однозначно указывало на его принадлежность к классу обладателей определенной конфигурации ресурсов. Конечно, это не означает, что ученые всегда будут голосовать за ученого, а военные – за военного. Такая теория была бы очевидно далека от истины. Чаще всего взаимозависимости связывают пары агентов весьма неоднозначным образом. Обращаясь к тому же примеру, утверждение авторитета ученого вне сферы науки неизбежно приведет не только к тому, что вырастет политическое влияние институтов науки, но и к тому, что внутри науки укрепятся позиции обладателей тех специфических видов ресурсов, которые непосредственно причастны к этому успеху. Вмешательство ученых в политику, особенно такое, которое принесло свои плоды, имеет свойство делать лагерь политически ангажированных интеллектуалов влиятельнее по сравнению с лагерем их ученых оппонентов, провозгласивших свою лояльность идеалу науки в «башнях из слоновой кости» – таким образом, превращая уже валюту политического влияния в академический капитал. По понятным причинам последние не могут не испытывать по этому поводу весьма амбивалентного отношения к успеху коллег.

²⁵ Таково одно из возможных объяснений таинственного эффекта гомологии, о котором писал Бурдые: Бурдые П. Политические позиции и культурный капитал.

бая существующая система институтов создает некие немногочисленные стабильные конфигурации «валют», ресурсов, которые чаще всего приобретаются одновременно друг с другом. Умением искусно пользоваться огнестрельным оружием чаще всего обладают те, кто в то же время имеет и навыки маршировки, а также до определенной степени впитали военный этос – поскольку все эти качества распространяются в рамках одних и тех же силовых институтов. В наших целях можно выделить несколько таких стабильных конфигураций ресурсов, которые мы будем называть «культурным», «социальным», «экономическим» и «силовым» капиталами²⁶.

По самому общему определению, «культурный капитал» есть мастерство в обращении с символическим материалом – навыки в производстве и использовании «высокой культуры» данного сообщества²⁷. «Социальный капитал» представляет собой совокупность связей (не в последнюю очередь родственных), которые могут быть использованы для получения каких-либо преимуществ. Экономический капитал вряд ли требует определения, а «силовой» представляет собой обладание навыками и ресурсами, необходимыми для осуществления насилия.

Политические институты представляются уникальным рынком в смысле разнообразия типов ресурсов, которые могут быть в них использованы – обаяние знаменитого артиста здесь может быть брошено на чашу весов против связей старого партийного функционера, а затем – сравниться с весом активов банкира. Любое политическое действие осуществляется с привлечением неких ресурсов, и поэтому его успех или неуспех неизбежно затрагивает все группы, владеющие сходными ресурсами. Так, установление котировок морального авторитета ученого по отношению к другим ресурсам, задействованным в политическом поле, в достаточной степени затрагивает всех ученых, обладающих сходным авторитетом, и можно привлечь их сочувственное внимание к каждому случаю его использования. Следует подчеркнуть, что в этой интерпретации наибольшее зна-

²⁶ Все эти типы капиталов, за исключением силового, описываются в работах Бурдьё: Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J.G. Richardson. N.Y., 1986. P. 241-258. Отсутствие силового капитала в его зрелых текстах, посвященных Франции второй половины XX века, неудивительно, поскольку его практическое использование, скажем, в политических или экономических целях там было крайне затруднено. В этом пункте Франция, как и все стабильные западные общества, коренным образом отличается от России – и именно это обстоятельство является принципиально важным в интерпретации динамики русского радикального национализма.

²⁷ Другие его определения включают в себя «престижные культурные ресурсы». См.: DiMaggio P., Mohr J. Cultural Capital, Educational Attainment, and Marital Selection // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 90. P. 1233. В соответствии с другим определением, это – «институционализированные, то есть широко распространенные культурные сигналы, ... используемые для социального и культурного исключения». См.: Lamont M., Lareau A. Cultural Capital: Allusions, Gaps and Glissandos in Recent Theoretical Development // Sociological Theory. 1988. Vol. 6. P. 153-68. Наиболее общая теория функционирования «культурного капитала» содержится в работах Бурдьё: Bourdieu P. The field of cultural production, or the economic world reversed // Poetics. 1983. Vol. 12. P. 311-356; idem. Distinction: The Social Critique of the Judgment of Taste. L., 1984.

чение имеют как раз средства, которые пускаются в ход, а не конкретные цели, которые при этом преследуются.

Это подводит нас к выводу, который можно считать ключевым для интерпретации стилистического разнообразия внутри радикально-националистического движения. В своей основе стиль представляет собой «демонстративные конвертации»²⁸ какого-то одного, достаточно специфического вида ресурсов (например капитала) в политическое влияние – и обратно. Действия каждой из организаций выявляют, с ресурсами какого рода она совершает операции и какие обменные курсы она способна предложить тем, кто ее поддержит. Стиль НБП в своей основе имеет превращение культурного капитала в политический, и наоборот. Стиль РНЕ, отличия которого от стиля НБП были описаны выше, в этих же терминах может быть описан как демонстрации способности организации к проведению аналогичных операций с силовым капиталом.

Самое важное подтверждение этот тезис находит в описании состава организаций. Костяк РНЕ состоял из бывших сотрудников силовых структур – военных, милиционеров и спецслужбистов – младших чинов, то есть тех, кто обладал силовым капиталом во всех его проявлениях, но не обладал ни экономическим, ни социальным, ни культурным капиталом. Все социальные шансы, которыми располагали «соратники», были связаны с возможностью выгодного использования силовых ресурсов. Именно это обещало им РНЕ, последовательно описывавшее армию как «авангард нации» и обещавшее переустроить общество так, чтобы носители героического военного этоса заняли в нем доминирующие позиции²⁹. Ситуация в НБП была иной. С самого начала организация Лимонова пользовалась поддержкой студентов, молодых профессионалов и части богемной публики в крупнейших российских городах. Все эти группы были схожи с сочувствующими РНЕ в том, что в структуре их ресурсов безусловно преобладал какой-то один вид капитала, однако в случае членом НБП этот капитал был не силовым, а культурным³⁰.

²⁸ Термин «демонстративные конвертации» обязан своим возникновением Торстейну Веблену: Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

²⁹ В другой статье настоящего автора обсуждаются причины того, что эти политические претензии были представлены на языке этнического национализма: Соколов М. Классовое как этническое: Риторика русского радикально-националистического движения // Политические исследования. 2005. № 2. С. 127-138. Ограничимся здесь только указанием на то, что евреи, с предполагаемым засильем которых антисемиты из РНЕ и подобных ему организаций боролись, представлялись им как группой, доминирующей благодаря обширным связям, позволяющим им контролировать доступ к экономическим и культурным благам – иными словами, обладающей теми социальными, культурными и экономическими капиталами, которых сами антисемиты были лишены.

³⁰ Как мы видели, на ранних этапах эволюции НБП также культивировала образ революционного интеллектуала, способного параллельно участвовать в символической и вооруженной борьбе. Однако очевидно плачевные результаты, к которым привели попытки воплотить этот образ в жизнь, заставили ее пересмотреть свою стратегию.

Рассмотрим под этим углом зрения описание тех социальных групп, которым НБП устами Эдуарда Лимонова эксплицитно противопоставляло себя. Вполне ожидаемо, список этот весьма существенно отличался от списка РНЕ и подобных ему групп. Общим являлась только ненависть к «классу старой партийной номенклатуры», которой удалось успешно воспроизвести свое положение в новых условиях. В своеобразном манифесте, помещенном в *Анатомию героя*, Лимонов писал: «Те, кто не имел доступа в элиту до 1985, сегодня его не имеют тоже. Молодежь и провинциалы вообще не имеют шансов. Диктатура Железной Пяты – номенклатуры – каменной гнусной коркой лежит на нации – земле, скрывая, запирая, давя собой плодородный слой. Только плуг революции способен его освободить»³¹. Эта ненависть, как и у РНЕ, распространяется прежде всего на конкурентов из КПРФ, которую Лимонов определяет как «не партию, но социальный класс мелких князьков»³².

Как и члены РНЕ, Лимонов враждебно настроен к обладателям значительного культурного капитала – но только к той их части, которая получила его по наследству вместе с социальным капиталом, позволившим им защищать самые выгодные позиции в институтах культурного производства от покушений «новых людей», включая его самого. Говоря о династиях, передающих культурный капитал по наследству, таких как Михалковы или Боровики, Лимонов пишет: «Нет, я не испытываю личной неприязни к этим ребятам, я испытываю классовую ненависть»³³. И далее приводятся основания для нее: «я отпрыск бедного простого рода... Всем, что у меня есть, я обязан только себе». Династии деятелей искусства играют такую же роль для Лимонова, какую евреи – для членов РНЕ. И те и другие, пользуясь большим унаследованным капиталом, закрывают доступ к самым выгодным областям культурного производства. Разница здесь, конечно же, в уровне – в то время как в РНЕ речь идет о невозможности без связей поступить в университет, в НБП обсуждается невозможность без связей стать официально признанными чемпионами в поле культуры.

Если критика номенклатуры и выросшей из нее современной элиты объединяет РНЕ и НБП (несмотря на различие в позициях, с которых эта критика ведется), то следующая группа, которую Лимонов атакует со своих эстетских позиций, принципиально противопоставляет его РНЕ. Этой целью оказывается народ. Говоря о проигранных им выборах 1995 года в Твери, лидер НБП обвиняет избирателей в том, что они предпочли «хитрых воров, приспособленцев, беспомощных чиновников-тупиц, но своих, от неряшливых лохм за ушами до мягких животов, заканчивающихся под горлом – вот кого они выбирали. Похожих на себя. Таких, как они». «Стилевое различие – вот почему я не подходил им»³⁴.

³¹ Лимонов Э. *Анатомия героя*. С. 402. Интересно также начало «Политической биографии» (С. 5-16). Там, как и в других местах, Лимонов, противопоставляет себя номенклатуре и ФСБ.

³² Он же. *Анатомия героя*. С. 348.

³³ Он же. *Книга мертвых*. С. 303.

³⁴ Он же. *Анатомия героя*. С. 219-224.

Далее он утверждает, что провинциальная, тусклая, «серая», не имеющая ничего своего, уродливая «нация не нашла своего стиля» и что ей надо «менять даже выражение лиц» – под руководством НБП, конечно же³⁵. В статье, носящей характерное название «Лимонка в народ», претензии партии, стилистически отстоящей так далеко от народа, обосновываются тем, что «народ погрешим» и ему нужны умные пастыри³⁶. «Вера в свою непогрешимость развращает народ». «Народу должно быть преподано уважение к разуму, к духовной мужественности, к генетически исключительным личностям, время от времени появляющихся среди народа (да, они – лучшие, но плоть от плоти его), и в этом его величие – рожать таких». Если сравнить этот список добродетелей с аналогичным списком РНЕ, то станет заметно отсутствие в нем моральных добродетелей или религиозной веры – и присутствие указаний на талант и личностную исключительность, которые, кажется, нигде не встречаются у РНЕ. Элитистская тема врожденного превосходства над «народом» для РНЕ кажется совершенно невозможной.

Третья группа, которая удостоивается критики Лимонова, – это советская интеллигенция, «пастернаки». Самый интересный из направленных против них текстов включен в *Анатомию героя*³⁷. В нем говорится, что «уже с начала 60-х годов “пастернаки” пытались предъявить свои права на участие во власти». «Главным в их поведении было не несогласие (диссидентство) с политикой и государственным строем страны, но коренное эстетическое и этическое отличие их от стоявших у власти “лохов”». Эта борьба была выиграна в эпоху Перестройки, поскольку «Горбачев оказался настоящим покровителем “пастернаков”, потому что, будучи настоящим “лохом”, все же тайно мечтал всю жизнь стать более развитым существом, “пастернаком”». Однако в настоящее время стилистическая фракция «лохов», включающая как номенклатуру, так и простой народ, вновь вернула себе власть, которую потерявшие всякую волю к власти «пастернаки» и не пытаются себе вернуть. Именно этот последний пункт является поводом для главных претензий к ним со стороны Лимонова (не выражающего, кстати, никакого сомнения в реальности превосходства «пастернаков» над «лохами»).

Прочитанная таким образом, националистическая риторика как НБП, так и прочих правых организаций 90-х, оказывается выражением классовых претензий, а их политический стиль – способом придать этим претензиям зримую, выразительную форму, понятную даже тем, кто не читал их текстов. РНЕ обещало своим членам обратить их капиталы – армейские навыки, дисциплину, весь военный этос – в краеугольные камни нового социального устройства. Оно обещало также наделить их самих политическим капиталом, несмотря на недостаток тех ресурсов, которые чаще всего необходимы для проникновения в политическое поле в настоящее время – образования, связей, специфических компетентностей.

³⁵ Там же. С. 240.

³⁶ Там же. С. 243-247.

³⁷ Там же. С. 248-255.

Сходным образом, НБП обращалось к тем, кто обладал значительным культурным капиталом, полученным в результате самообразования, но не обладал ни сертификатами, ни знакомствами, необходимыми, чтобы сделать успешную карьеру в поле символического производства. Ее обещание переустроить общество так, что только талант будет иметь значение, безусловно, находило отклик среди тех, кто обладал культурными ресурсами для того, чтобы сделать карьеру интеллектуала, но не обладал социальными.

Однако само по себе сочувствие целям движения, как показывают многие исследования политической мобилизации, не обязательно влечет за собой активное участие³⁸. Для того, чтобы привлечь сторонников, организация – наряду с коллективными благами, которые протест может принести некой социальной группе в целом, – должна иметь возможность предложить своим членам определенные персональные блага. В частности, вера в возможность организации удачно конвертировать капиталы целого класса, безусловно, возрастает, если эта организация доказывает, что способна провести аналогичные операции с капиталами своих сторонников здесь и сейчас.

Каждая из наиболее успешных правых организаций специализировалась на определенных типах подобных конвертаций. Организация была своего рода акционерным обществом, вкладывавшим исходные капиталы своих членов в борьбу, которая должна была улучшить положение всей группы держателей аналогичных капиталов в будущем, а пока приносила дивиденды непосредственным акционерам.

Состав участников каждой из групп определялся теми видами капиталов, которые они могли инвестировать, – скажем, РНЕ прежде всего осуществляло операции с силовыми, политическими и экономическими ресурсами. Как и большинство радикально-националистических организаций первой половины 90-х, оно владело охранными фирмами, в которых работали его соратники, а также всевозможными тренажерными залами и центрами изучения боевых искусств. Логика операций, которые при этом происходили, была такова. Организация аккумулировала небольшие капиталы способностей к насилию, которыми обладали ее члены, и частично инвестировала их в политической сфере (приобретая влияние), частично – в экономической (извлекая доходы из деятельности охранных фирм). Полученные от этих вложений прибыли использовались для привлечения новых сторонников.

При этом члены организации в обмен на лояльность получали, во-первых, возможность увеличить свои капиталы в поле насилия за счет инфраструктуры организации (в ходе тренировок в центрах изучения боевых искусств); во-вторых,

³⁸ Olson M. *The Logic of Collective Action*. Cambridge, Mass., 1965; Klandermans B. *Mobilization and Participation: Social-Psychological Expansions of Resource Mobilization Theory* // *American Sociological Review*. 1984. Vol. 49. P. 583-600; McAdam D., McCarthy J., and Zald M. *Social Movements* // *Handbook of Sociology* / Ed. N. Smelser. Newbury Park, 1988.

часть доходов от инвестиций в экономической сфере (в виде заработной платы); в-третьих, шансы сделать политическую карьеру. Основная проблема, возникавшая при этом, состояла в том, чтобы удержать членов организации от того, чтобы раньше времени выйти из предприятия, используя достигнутое положение на пользу только себе – но в ущерб организации. Так, локальный лидер в РНЕ всегда стоял перед искушением использовать свое положение руководителя группы вооруженных людей для быстрого обогащения (и часто поддавался ему). Коллективная стратегия политической организации, обещавшая большие блага для всех в отдаленном будущем, постоянно конкурировала с соблазном получить несколько меньшие выигрыши и только для себя, но немедленно.

Помимо абстрактных обещаний переустроить общество, праворадикальная организация предъявляла своим сторонникам живой пример того, чего они могли добиться в рядах движения. Этим примером была биография лидера, который, как правило, представлял собой ролевую модель для новых участников – образец той карьеры, которую предлагала им организация. А. Баркашов был простым электриком, отслужившим в спецназе (по крайней мере, так утверждает его жизнеописание, имевшее широкое хождение), который стал влиятельным политиком путем участия в радикально-националистическом движении.

НБП тоже обещала своим членам карьеру, но в совершенно иной сфере. Биография лидера и здесь служила решающим примером. Лимонов посвятил несколько книг тому, как он, бедный провинциальный юноша без связей и образования, явился в Москву и сделал себя сам. Несмотря на то, что этим он не был обязан своей партии, Лимонов везде подчеркивал, что партия является сегодня единственным возможным путем для таких, как он. Мы видели, как репутация творца, автора многих известных книг и одной захватывающей судьбы использовалась им для того, чтобы обосновать свои претензии на политическое лидерство, однако Лимонов двигался и в обратном направлении, используя свою политическую карьеру как способ упрочения своего авторитета человека искусства.

Его книги, особенно – поздние, представляют собой скорее репортажи об интересно прожитой жизни, чем литературные произведения, если пользоваться обыденным пониманием литературы как сочинительства. Почти все произведения Лимонова посвящены ему самому, и даже те немногие, которые непосредственно ему не посвящены, полны отсылок к биографии автора. Характерны приемы, которые Лимонов использует в критике своих конкурентов по писательскому ремеслу (претендующей на то, чтобы быть художественной критикой). Так, в *Книге мертвых* он, сравнивая себя с теми, кто обогнал его в литературной славе – с Иосифом Бродским или Венедиктом Ерофеевым, – часто ставит им в укор не-

яркость, скучность их судьбы³⁹. Разумеется, его жизнь в последние нескольких лет дала ему много новых возможностей для подобных сравнений.

То же самое верно и в отношении самых известных его сторонников. Большинство лидеров партии на первых этапах ее существования – Лимонов, Дугин, Игорь («Егор») Летов, Алексей Цветков – получили известность за пределами политики и до прихода в организацию. Кроме них, в партии состояло еще несколько знаменитостей, в первую очередь, Сергей Курехин. Напротив, те, кто получил известность благодаря участию в организации – например, Андрей Гребнев и Анатолий Тишин, – вначале занимали в партии только второстепенные позиции. Все перечисленные знаменитости, как и Лимонов, использовали репутацию экстремистов для того, чтобы привлечь интерес к своей культурной продукции, а восхищение своей культурной продукцией – для того, чтобы получить политическое влияние⁴⁰.

Заключение: несколько соображений об эволюции

Могут ли эти рассуждения пролить свет на вопрос, сформулированный выше: почему «крутой» стиль, воплощенный РНЕ, постепенно почти исчез с политической сцены, а «театральный» стиль НБП, напротив, продолжил развиваться? Легко показать, что трансформация российского общества после 1999 года сделала проведение некоторых видов демонстративных конвертаций весьма затруднительным предприятием. Тем самым основанные на них политические стили были поставлены на грань исчезновения.

Именно это произошло со стилем РНЕ, и, соответственно, с самой организацией, которая прочно с этим стилем ассоциировалась. Возникновение авторитарного политического режима, который не производил впечатления готового распаться самостоятельно и позволить группе радикалов захватить власть (на что надеялись соратники РНЕ на протяжении 90-х), явно снизило привлекательность военизированных политических организаций. Не менее важным оказалось то,

³⁹ Например, Ерофееву в *Книге мертвых* Лимонов выносит такой приговор: «Мне его судьба кажется неяркой и неудачливой. Никаких далеких земель, никакой экзотики...» (Лимонов Э. Книга мертвых. С. 116). Еще хуже достается Бродскому.

⁴⁰ Характерно, что биографии всех этих людей демонстрируют значительное сходство в изобилии карьерных изломов. Несмотря на то, что все они идентифицировали себя как интеллектуалов, никто не проделал обычную для советского интеллектуала карьерную траекторию с поступлением после школы в институт и получением работы по специальности после его завершения. Вместо этого, почти все они прошли через периоды занятий низко квалифицированным и малопrestижным трудом. Лимонов шил брюки, нарушая трудовое законодательство, и писал стихи. Тишин также писал стихи, работая бальзамировщиком в морге. Дугин был дворником и изучал эзотерическую философию, и так далее. Все эти обстоятельства делали их тем более убедительной ролевой моделью для тех, кто мечтал сделать карьеру интеллектуалов, но не мог по каким-либо причинам проследовать по традиционному пути к этому статусу.

что центральная власть стала гораздо менее терпимой к попыткам использовать насилие в частных политических целях (и даже намекам на возможность этого), и, соответственно, любимые формы коллективных действий РНЕ оказались под весьма действенным запретом. Наконец, многие из тех, кто раньше был очарован воинственной простотой РНЕ, теперь отдали свою любовь Путину, чья решительная политика по усилению государства и прошлое сотрудника спецслужб в значительной степени соответствовали их чаяниям. Как сказал автору один из них, «Путин круче Баркашова». Для РНЕ это стало приговором.

Национал-большевистская партия, вовремя отказавшаяся от операций с силовым капиталом, была задета всеми этими трансформациями значительно меньше. Более опасным для нее оказались не прямые угрозы, а соблазны для ее сторонников, которые несла в себе новая ситуация. Многие из бывших членов партии потеряли интерес к спекуляциям разными видами ресурсов просто потому, что приобрели достаточный для успешного существования объем какого-то одного из них. Приход Путина совпал с завершением метаморфоз в доминирующем политическом дискурсе, который за десять лет, прошедшие с 1991 года, изменился с преимущественно либерального на откровенно националистический. В идеологическом смысле режим сделал шаг навстречу правым радикалам, создав для них благоприятные условия для утверждения в «системной» политике, каких не было никогда с момента провозглашения независимой России. Многие из интеллектуалов националистического движения, обладавших достаточным образовательным уровнем и компетентностью, не замедлили воспользоваться этой возможностью, тем более что государственные рынки предъявляли значительно более платежеспособный спрос на их идеологическую продукцию. Раскол, который НБП пережила в 1998 году и в результате которого ее ряды покинули А. Дугин, А. Цветков, Аркадий Малер и другие, легче всего интерпретировать с этих позиций. Возглавивший раскол Дугин быстро нашел общий язык с чиновниками из президентской администрации, и, судя по апологетическим отзывам в адрес этого учреждения в статьях А. Малера⁴¹, последний тоже не отказался бы от такого сотрудничества.

К 2000 году из НБП вышли почти все те известные интеллектуалы, присутствие которых сделало ее знаменитой несколькими годами ранее. Присоединившиеся к Лимонову знаменитости извлекли из сотрудничества с партией все, что она могла им дать. Дальнейшее сотрудничество становилось опасным, поскольку выяснилось, что режим становится все менее терпимым к самым вызывающим видам политического самовыражения. С другой стороны, высокий образовательный уровень позволил многим из «новых правых» интеллектуалов, прежде всего Дугину, успешно удовлетворять спрос, возникший в госаппарате, на разработку нового русского национализма, распространять свои взгляды в роли авторов

⁴¹ Одна из которых, например, носит характерное название «Три подвига Администрации Президента» (http://www.apn-nn.ru/index.php?chapter=pub_s&id=40&sf=1)

учебников, лекторов государственных вузов и консультантов при органах власти. Так Дугин превратился из маргинального эзотерика в известного философа, который смог предложить свои услуги нескольким «системным» политическим группам. Его пример наиболее известен, но ни в коем случае не уникален. Так же, как многие члены РНЕ сделали с помощью своей организации карьеру в криминальном мире, многие члены НБП использовали культурный и социальный капиталы, приобретенные в ней, для получения различных позиций в поле символического производства – от академической науки до шоу-бизнеса⁴².

И тем не менее НБП продолжила свое существование, пережив уход большинства своих отцов-основателей, тюремное заключение лидера, репрессии на местах и почти полное отсутствие финансирования. Чем можно объяснить такую устойчивость? Бурдые писал о том, что в сердце политики современных рыночных обществ лежит конфликт между обладателями двух видов ресурсов: с одной стороны, экономического капитала, с другой – культурного. Обладателями первого являются предприниматели и менеджеры, обладателями второго – люди искусства и науки. Чем больший вес в данном обществе принадлежит первым, тем меньшим обладают вторые, и наоборот. Верховенство экономического капитала защищают правые партии, требующие свободы экономической деятельности и известного ограничения свободы культурных экспериментов. И, наоборот: современные западные левые выступают за централизованное управление экономическими ресурсами – и за полную автономию культурной сферы. Антибуржуазность и революционность, считающиеся необходимым атрибутом современного интеллектуала, являются следствием именно этого антагонизма.

Конфликт между экономическим и культурным капиталом был до известной степени подавлен в обществах советского типа, где номенклатура с ее административными ресурсами в одинаковой степени доминировала и над полулегальным частным предпринимательством, и над интеллигенцией. В эпоху «перестройки» обладатели экономических и культурных ресурсов совместно действовали против общего противника – государственной бюрократии. Радикальный либерализм 90-х, требовавшей максимальной свободы и открытости как для экономических, так и для культурных инициатив, был идеологическим отражением этого альянса. Вскоре, однако, пути обладателей экономического и культурного капиталов начали расходиться. Прежде всего, это происходило за счет изменения кадрового состава первых. Экономическая элита практически слилась с государственной бюрократией, следствием чего и стало формирование расплывчатой государ-

⁴² Сам Лимонов неоднократно перечислял тех, кто ушел из партии в разные отрасли культуриндустрии. Ударение, которое он делал на подобных событиях, заставляют предположить, что, в принципе, он не отвергал саму идею сделки «временная поддержка партии в обмен на возможность использовать участие в ней для будущей карьеры» (см. например перечисление бывших «черных мальчиков», осевших на должностях пресс-секретарей и журналистов в глянцевах журналах, в «Анатомии героя»). Однако, в ситуации, когда отток стал массовым, его позиция по этому поводу, кажется, изменилась.

ственной идеологии, сочетающей веру в экономические механизмы рынка с убеждением в ценности сильного и всепроникающего государства. Судьба олигархов первой волны, не вписавшихся в этот поворот и пытавшихся сохранить лояльность не только экономическому, но и старомодному теперь политическому либерализму, оказалась в новых условиях незавидной.

Сходным образом тотальный либерализм 90-х начал терять сторонников и среди держателей культурного капитала. Старшие поколения интеллигенции в целом были больше подвержены инерции политического мышления, видевшего в частном бизнесе прежде всего союзника. Среди молодых интеллектуалов, однако, уже в середине 90-х преобладало довольно прохладное отношение к «буржуям». Значительность Лимонова состоит в том, что он одним из первых почувствовал антибуржуазный протестный потенциал молодой культурной элиты. Здесь, однако, с нацболами сыграла злую шутку инерция политического мышления, причем даже не их собственного, а мышления экономически доминирующего класса, которому они бросали вызов. В середине 90-х, когда НБП только возникла, обладатели экономического капитала все еще продолжали исповедывать – во всяком случае, публично – радикально-либеральные политические принципы. Вставая в оппозицию к ним, НБП не ограничилось экономическими требованиями, но и противопоставило их демонстративному демократизму свой авторитаризм. НБП в целом и Лимонов в особенности были чрезвычайно активны в работе по созданию «красно-коричневого» оппозиционного альянса.

Несмотря на весь синкретизм и расплывчатость первоначальной идеологии НБП, две вещи относительно нее можно было сказать с полной уверенностью: она была националистической, и она не была либеральной. Когда сама логика политического процесса подтолкнула партию к тому, чтобы «сменить идеологическую кожу», это оказалось непросто сделать. Теоретическая модель Бурдье, на которой основывались все предыдущие рассуждения, предполагает, что, в конечном счете, политические позиции отражают интересы, заданные распределением ресурсов. Однако позиции как таковые и риторика, используемая для того, чтобы дать этим позициям идеологическое оформление, – это разные вещи. В конечном счете, позиции определяют, какого рода риторика будет воспринята, но, однажды усвоенная, риторика становится самостоятельной силой в политическом развитии – как индивида, так и организации. Связавшие себя на ранних этапах своего развития с авторитарной и националистической идеологией, члены НБП не могут расстаться с ней так просто.

Если все приведенные рассуждения верны, то существуют мощные силы, подталкивающие партию Лимонова к тому, чтобы постепенно эволюционировать в сторону «новой левой» – в западном смысле этого слова – идеологии, антирыночной, но одновременно антиавторитарной и антинационалистической. Сами нацболы, однако, в глубине души могут не признаваться в том, что переживают настолько радикальную идеологическую трансформацию. Союз с «буржуазны-

ми» партиями и отказ от реверансов в сторону национализма многими из них рассматриваются как тактическая мера. Однако то, что сами нацболы думают о смысле своих политических маневров, необязательно окажется верным в исторической перспективе. В утверждении, гласящем, что наши сегодняшние поступки определяют наши завтрашние мысли, куда больше правды, чем хотелось бы верить всем идущим на политические компромиссы. Последствия того, что задумывалось как тактическая уловка, часто оказываются более долговечными, чем цель, во имя которой эта уловка предпринималась. И это всегда происходит именно так, когда тактический маневр соответствует направлению масштабного исторического сдвига. Так может произойти и с НБП – и, весьма вероятно, произойдет.

Отслеживая появляющиеся в периодике партии тексты, сторонний читатель не может не заметить нарастающих изменений. Достаточно сравнить последние на момент написания статьи номера *Лимонки* (№ 304) с газетами десятилетней давности, чтобы обнаружить, как изменилось отношение авторов *Лимонки* к национализму. Десять лет назад, после заключения хасавюртовских соглашений, среди нацболов существовал консенсус по поводу их предательской сущности и необходимости бороться с чеченскими сепаратистами всеми существующими способами, не считаясь с жертвами среди мирного населения⁴³. Последние номера содержит столь же определенные требования признать независимость Ичкерии и почти сочувственную заметку о преследованиях вдовы Шамиля Басаева со стороны спецслужб. Чеченская тема – не единственная, отражающая подобную смену взглядов. Хотя время от времени в периодике партии всплывают старые ксенофобские темы, статистически они давно проигрывают по частоте своих появлений новым и политически совершенно противоположным. В 1996 году первые вылазки скинхедов встречали среди нацболов дружное одобрение. Десять лет спустя скинхеды расцениваются партией как крайне тревожное явление, уродливое следствие неверной национальной политики режима. Сама НБП теперь описывается как «организация совершенно интернационалистическая, чуждая нацизму изначально и непоправимо». В 1996 году Лимонов писал о Баркашове и РНЕ как о своих единомышленниках. Сегодня авторы *Лимонки* обычно не вспоминают о том, что между ними было что-то общее.

На первый взгляд, политический авторитаризм не потерял в глазах членов НБП своей привлекательности настолько же, насколько ее потеряли национализм и расизм⁴⁴. Однако и здесь мы видим, как прославление тоталитарного прошлого вначале просто соседствует, а потом и вовсе вытесняется либеральным полити-

⁴³ Фактически, выпуски газеты августа 96 года (№№ 46 и 47) содержат множество намеков на то, что такие жертвы были бы даже желательны, учитывая предполагаемую врожденную порочность чеченцев.

⁴⁴ Нельзя не отметить, однако, характерное семантическое изменение. Слово «авторитарный» превратилось в *Лимонке* за последнее время в устойчивый эпитет режима Путина, и используется этот термин определенно не для того, чтобы сказать последнему комплимент.

ческим дискурсом, апеллирующим к погрязшим гражданским правам и свободам⁴⁵. Вероятно, в значительной степени эти обращения в данный момент мотивированы тактическими соображениями, а не осознанной сменой убеждений (РНЕ в свой последний период также стремилось говорить на языке прав человека). Однако подобные тактические соображения будут актуальны до тех пор, пока политический режим, которому НБП противопоставляет себя, предоставляет благодатные возможности для критики с этой стороны. Вряд ли можно всерьез надеяться, что это время закончится скоро. И если справедливо, что людям свойственно начинать верить в слова, которые они постоянно произносят, то у нацболов будет возможность сжиться с взглядами, которые они уже научились озвучивать.

Было бы слишком поспешным заключить, что дальнейшая эволюция неизбежно приведет НБП к тому, чтобы стать важной частью возникающего левого (во вполне традиционном политологическом смысле) фланга нового российского политического спектра. Слишком многое в прошлом партии делает такое превращение затруднительным. Однако было бы столь же поспешным предсказывать, что ничего подобного не случится.

⁴⁵ Свою роль в этом, безусловно, сыграло и то, что апелляции к Сталину перестали быть монополией политической оппозиции, в чем сыграли свою роль бывшие единомышленники Лимонова типа Дугина, Малера и Егора Холмогорова.